

О МАРГИНАЛЬНЫХ ТЕМАХ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ЛАКУНАХ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Василий Петрович Гриценко

доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии и политологии
Краснодарского государственного
университета культуры и искусств

Татьяна Юрьевна Данильченко

кандидат философских наук, старший
преподаватель кафедры методики преподавания
иностраных языков и культур Краснодарского
государственного университета культуры и
искусств
(г. Краснодар)

Междисциплинарность и лакунарность

Открытое соприкосновение материалистической диалектики со множеством зарубежных и возрожденных отечественных философских систем привело к лавинообразному росту множества смысловых и терминологических лагун. Лагуны в языке, сознании, культуре – это «пустоты», то есть, некоторые области небытия знаковой материи, смысла, ценностей. Но небытие – это не просто отсутствие смысла, значения, а то, что присутствует в одной смысловой системе и отсутствует в другой, составляет их различие. Поэтому диалектика бытия и небытия в лакунарности проявляется как их различие в рамках противопоставления «свое» - «чужое», «понятное-непонятное». Г.А. Антипов, О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин в книжке «Текст как явление культуры» отмечают следующие оппозиционные признаки лагун и не-лагун: «непонятно - понятно, непривычно

- привычно, незнакомо - знакомо, ошибочно – верно»

Некоторые коллеги-философы быстро преодолели стену отчуждения и набрались ценного опыта за рубежом – проф. Н.С. Розов¹, проф. Н.В. Омельченко и др. и способствовали оздоровлению современного состояния отечественной философии.

Понятно, что возникновение множества лагун равнозначно образованию множества коммуникативных и герменевтических кругов и парадоксов понимания/непонимания, или, как говорят лингвисты (Г.В. Быкова и др.), множества явлений, требующих дополнительного пояснения для своего понимания. Но дело в том, что понятие «лагуна», также как и понятие «маргинальная тема», которые не являются секретом для лингвистики, для философов можно считать маргинальными и лагунарными. Почему? Ясно, что в советскую эру идеологически в этом никто не был заинтересован, а главные усилия были направлены на сохранение собственного статус-кво.

Парадоксально, но одной из самых маргинальных и лагунарных² для отечественной философии была и продолжает оставаться тема богатства и, особенно, денег. Какой-то социальный символ-штамп «деньги-зло» сделал эту тему находящейся в тени других социальных тем. А может, безденежное коммунистическое будущее сделало эту тему бесперспективной. Но как можно рассуждать о коммуникации, знаково-символических формах социального бытия, социальности, интересах, потребностях и стимулах социальной жизни, не принимая во внимание роль денег. Между тем, мы найдем множество учебников по общей и социальной философии, социологии, этике, в которых о деньгах не сказано ни слова. Не социально-политическая ругань или полемика по этим вопросам, а именно их исследование не как нумизматического, а социального феномена, цивилизационного фактора. Их тайна и природа, видимо, так неуловимы, что отечественные философы, которые перестали бояться темы Танатоса, «деньги» как объект научного исследования как не замечали, так и не замечают.

Философский анализ лакунарности чрезвычайно важен, так как он делает очевидным мировоззренческие различия, категориальные несовпадения, отличие в ценностях. Лагуны проявляются и через своеобразие менталитета и стиля мышления одного народа по отношению

к другому, одного индивида по отношению к другому. Они возникают и существуют только в ситуации общения, диалога и обнаруживают себя через смысловые различия. Более того, несовпадение языковой и концептуальной картин мира, возникающее в случае интенсификации межкультурной коммуникации, приводит к появлению лакун, имеющих сложную природу.

Примером фундаментальной лакуны философского знания, с нашей точки зрения, будет для западной философии и науки невозможность описать с единых терминологических и концептуальных позиций душу и тело как субстанции человеческого бытия. Мировоззренческие и концептуальные основы западной цивилизации привели к формированию такого образа человека и мира, в соответствии с которыми дискурсы гуманитарных и естественных наук не стыкуются. Эта нестыковка фатально обнаруживается в научной антропологии, теории сознания и психики и некоторых других. Даже самые отчаянные атеисты и безбожники, такие высочайшие материалистические монисты, как Ленин³, утверждавшие, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи, вынуждены сами себе возражать, заявляя, что сознание нематериально, а идеально. Об этом можно почитать в работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В самом типе абстракций, способе концептуализации мира западного гуманизма заложена логика дуализма души и тела, социального и биологического. Не погружаясь в вечную дискуссию по этому вопросу, еще раз подчеркнем, что, с нашей точки зрения, эта лакуна обусловлена цивилизационными корнями западной философии, в которой, согласно христианским ценностям, априорно задана двойственная природа человека и бытия, их демаркация на две несводимые друг к другу субстанции.

Еще более лакунарной и маргинальной оказывается тема энергии. То, что может быть само собой разумеющимся в восточной мудрости – единство души (психики) и энергии, в западной оказывается вообще прописано по адресу негуманитарной науки. Понятие «энергия», чаще всего, остается совершенно чуждым в гуманитарной науке Запада. В отечественную гуманитарную теорию психики и сознания «энергетические» концепты если и помещаются, то как-то неестественно, неорганично. Если достигается соединение концептов «психика» и «энергия», то в какой-то ненаучной, полумистической или мистической форме. Один из редких западных мыслителей, который сделал решительный шаг на пути устранения «пропасти» между телом, психикой и энергией⁴, это З. Фрейд. Однако отечественные интерпретаторы учения Фрейда сошли с ума на теме универсальной либидозности и почти не обращают внимание на развитие указанной нами идеи.

Но те лакуны, которые зияли как «пропасти» и казались непреодолимыми в «единственно верной»

диалектико-материалистической теории, стали исчезать в ходе того концептуального сдвига, который произошел в эпоху «Пост-». Этаким «тектонический сдвиг» приключился вследствие того, что на смену кондовой универсальности пришла междисциплинарность. Она стала не только модой и велением времени, но и своего рода расплатой за необузданную универсальность диалектического материализма, в тощей, но всеобъемлющей схеме которого было жить привычно, удобно и достаточно просто.

Междисциплинарность в науке проявляется по-разному и в различной степени: в постановке проблем, в подходах к их решению, в развитии теорий, выявлении связей между ними, формировании новых дисциплин. Можно сказать, что существует целая шкала междисциплинарных дискурсов. Во-первых, это метафоризация – использование языка описания одной области для репрезентации другой. Например, терминология синергетики из естествознания перекочевала в социальную синергетику, в теорию культуры и сознания. Во-вторых – это пограничный дискурс, применяя который исследователь использует различные языки для описания различных сегментов сложного комплекса. Мы бы назвали эту форму дискурса – эклектикой. В-третьих, – это создание нового языка, который используется в качестве средства теоретического синтеза и описания новой реальности. Этот случай является наиболее продвинутым, так как ведет к созданию новой научной дисциплины.

Благодаря междисциплинарности сознание и психика предстали как смыслодинамика определенных процессов, кодируемых в различной языковой форме. Единая теория смысла, в которой изучаются как гуманитарные, так и естественнонаучные аспекты смыслогенеза и смыслодинамики, стала новой научной областью знания, создаваемой с помощью междисциплинарной стратегии.

На современном этапе развития отечественной философии, пожалуй, доминирует междисциплинарный дискурс, который мы назвали эклектикой. Например, если посмотреть на методологию, которой «клянутся» современные диссертанты в своих авторефератах, то в них часто соседствуют марксизм, структурализм, постмодернизм или что-то в этом роде. Эклектика стала нормальной средовой формой существования современной философии. Призывы к деконструкции плюрализма вывели нас на поле эклектики. Но по традиции, эклектика, которая стала доминантой современной культуры, в философии еще понимается преимущественно негативно. В этой области «зияет большая пропасть» (лакуна), которая вырыта теоретиками предшествующих десятилетий. Однако сейчас, как и много раз в истории, эклектика стала выразительным средством для «кентаврообразных» понятий, семиотическим

средством становления новой рациональности в поле междисциплинарности.

Диаматовская категориальная система в определенный момент исчерпывала себя, требуя переосмысления и перекодировки, замены смыслового центра. Познающий субъект уже не может пользоваться диалектико-материалистической категориальной системой, доминирующей над мыслью и навязывающей слишком упрощенные стереотипы понимания и поведения. Для того, чтобы уловить ускользающее Бытие, возникли интенции в стиле пост-, включающие в себя постоянное переименование, постоянный поиск новых имен и понятийных систем. В гуманитарном и философском познании на этот период стали доминирующими деконструкция, интерпретация и переинтерпретация текстов, интеллектуальное движение в процессе разнообразных языковых игр.

Современная семиотическая мутация

Смятение, которое посещает долгими зимними бессонными ночами души старших философов, во многом передается в следующих эмоциональных восклицаниях: наступил конец философии! Постмодерн несет разрушение! Теория, наука, философия рушатся под напором псевдонауки! Однако так не бывает, чтобы в эпоху телевизора и космических полетов человек мыслил категориями ветряных мельниц. То состояние семиозиса и семиосреды, которое старшими философами воспринимается как внешнее мельтешенье, эклектика, деконструкция, шум, молодым интеллектуалам представляется как нечто само собой разумеющееся.

Речь пойдет об электронном гипертексте, который является современной семиотической мутацией, приведшей к глобальным гносеологическим и ментальным сдвигам. В принципах его организации находят воплощение практически все основные мировоззренческие установки постмодерна – плюрализм, децентрация, фрагментарность, интертекстуальность. Постмодернистский электронный гипертекст по своей сути противоположен модернистскому печатному тексту. Создание всевозможных баз данных, компьютеризация библиотек, перевод информации в электронную форму – все это признаки вхождения человечества в век гипертекста.

Гипертекст как современная текстуальная парадигма, является средством коммуникации в обществе, ориентированном на потоки информации, которые не могут быть полностью усвоены субъектом традиционным способом. В гипертексте знание приобрело новую гносеологическую форму, превратившись в сеть относительно свободных сообщений, которые могут объединяться и распадаться в зависимости от целей и задач субъекта потребления знания. Он обладает рядом характеристик, которые по отдельности свойственны тексту, энциклопедии, монографии,

тезаурусу и, в то же время, способностью, даже в масштабе Интернета, обеспечивать мгновенный переход от одного блока информации к другому.

В настоящее время киберпространство также имеет в основном гипертекстовую форму своей организации. Оно включает в себя множество подразделений, характеризуется своеобразной логикой – неоднозначность, нелинейность, децентрированность, ассоциативность. Наблюдаемое по сравнению с линейными текстами ослабление авторского начала в гипертексте повышает его возможность как инструмента получения знаний. Гипертекст незаменим при справочно-информационном поиске, он является во всех своих основных функциях средством augmentation творческого потенциала личности, что и предполагалось его создателями (В. Буш, Д. Энгельбарт, Т. Нельсон).

Концепция гипертекстовых систем расширяет возможности не просто работы с языковыми формами, текстовыми единицами, а также повышает потенциал оперирования идеями и другими ментальными единицами в чистом виде.

Печатный текст как воплощение линейного дискурса являлся основой возникновения образа научной теории в ее классическом понимании. Логические требования непротиворечивости, независимости, полноты вытекают из принципов организации линейного дискурса. Гносеологическое представление о теории как системном, всестороннем описании сложных объектов прямо опирается на знаковую форму печатного слова. Формой организации знания, мыслительной деятельности и научной теории, в соответствии с современной компьютерной метафорой, стал гипертекст. Современная художественная литература, кино, телевидение успешно эксплуатируют его на массовом потребителе. Гипертекст, благодаря своей сложности и многомерности, способен порождать в сознании социального атома многомерную картину мира. Таким образом, гипертекст влияет на мировоззренческие структуры сознания, а через него определенным образом структурирует личность, ее внутреннюю ментальность. Гипертекст структурирует не только личность, но и социальность. «Социальная виртуальная реальность» заполнена проекциями людей: порожденными ими текстами, изображениями, диалогами, презентациями и пр. Ризоморфная конструкция Интернета выстраивает социальные отношения вокруг Глобальной Сети, формируя киберкультуру – новую форму культуры постиндустриального общества. Можно лишь согласиться с В. Емелиным, что завершение постмодернистской революции возможно только в Интернете, как в принципиально новой семиотической среде, соответствующей культуре и обществу постмодерна.

1 Мне обидно, что уважаемый проф. Н.С. Розов в своих статьях, размещенных в Интернете, сетует на провинциаль-

лизм отечественной философии. Можно говорить о некоторых школах отечественной философии, но пока их обозначения внешние – Уральская, Новосибирская, Ростовская, Питерская, Московская и некоторые другие. Мне даже казалось, что новосибирским мыслителям свойственна на настоящем этапе некоторая пассионарность. По-моему, можно смело утверждать, что там, где находится заслуживающий внимания философ, Урюпинск это или Тихорецк, там и философский центр. Вряд ли можно назвать философской провинцией место, где находится такой философ, как Н.С. Розов. Думаю, что таким людям можно было бы предоставить возможность даже порулить Институтом философии АН РФ.

2 Мы не будем перечислять и мотивировать всего множества известных нам философских лагун, исходя из различных соображений. Во-первых, чтобы не показаться нескромными. Каждый исследователь в своей области хорошо об этом знает и старается заполнить внутренние или внешние лагуны знакомой ему теоретической системы и, мотивируя

этим, подбирает формулировки тем кандидатских диссертаций для своих учеников. Во-вторых, размер статьи тогда был нескончаемым. Но если нам в следующей жизни придется быть философом, то в «Трактате о человеческих ошибках» мы постараемся воплотить этот замысел полнее.

3 Каждый живший в эпоху «застоя» помнит, что тема критики взглядов Ленина и иже с ним была полностью маргинализованной. Желавший обсуждать эту тему должен был превратиться в маргинального философа: изгоя, сумашедшего, заключенного, эмигранта и т.п.

4 Даже «всемогущий» закон единства и борьбы противоположностей диалектического материализма, вследствие нерешенности проблемы энергичности, повисал в воздухе, отвечая на вопрос «как происходит развитие?», а не «почему?». Считается, что именно этот закон, который раскрывал источники всякого развития и движения. Но это ложно, так как он отвечает лишь на вопрос: «В какой форме происходит развитие?»